

Сергий (Страгородский), архим. На Дальнем Востоке: (Письма японского миссионера) [Письма: XXIII: Кеото, 18 января, XXIV: Кеото, 4 мая 1893 г.] // Богословский вестник 1896. Т. 4. № 12. С. 446–474 (3-я пагин.). (Окончание.)

НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ. (Письма японскаго миссіонера) ¹⁾.

ПИСЬМО XXIII.

18 Января 1893 г. Кеото.

„Мы тоже здѣсь встрѣтили и проводили святки, только у насъ они совсѣмъ перепутаны, такъ какъ новый годъ празднуется по новому стилю, 20 декабря. Японскій годъ начинался приблизительно съ Февраля, однимъ словомъ съ перехода зимы на весну. Но теперь введено европейское счисленіе и старый годъ помнится въ какихъ-нибудь захолустныхъ деревняхъ да у стариковъ, которые никакъ не могутъ помириться съ мыслию, что новый годъ начинается при полнолуніи.

Празднованіе новаго года здѣсь весьма интересно и напомнило мнѣ нашу масляницу, которая, кстати сказать, и начинаться-то должна бы тоже приблизительно при переходѣ зимы на весну. Канунъ новаго года проходить въ разныхъ приготовленіяхъ и расчетахъ съ старымъ годомъ. Въ городѣ всеобщее возбужденіе. Ночью никто не смыкаетъ глазъ, кромѣ развѣ сильно больныхъ. Если нѣкоторые лѣнтя и засыпаютъ, то во всякомъ случаѣ уже послѣ 12, въ новомъ году. Хозяйкамъ дѣла очень много. Нужно гонять дьявола, который въ прошломъ году довольно безцеремонно расположился въ ихъ домѣ. Нужно готовить „моци“, новогоднее кушанье, по значенію прямо тождественное съ нашими блинами или съ малороссійской кутьей. На видъ это вѣчто въ родѣ клѣцокъ изъ рису, особеннымъ образомъ

¹⁾ Окончаніе. См. Б. В. Ноябрь.

стертаго, что-то такое клейкое, вязкое, нельзя сказать, чтобы очень легкое для желудка (но вѣдь, это священная пища, это блины, а при нихъ объ удобствахъ пищеваренія совсѣмъ не спрашивается). Моци варятся и подаются съ соусомъ, строго опредѣленнымъ для каждаго дня. Въ первые три дня (или недѣлю, не знаю хорошевько) соусъ варится изъ всѣхъ овощей (перемѣнно мѣстныхъ, японскихъ), какія только употребляются въ японской кухнѣ. Въ восьмой день дѣлають соусъ изъ сладкаго гороха или чечевицы, а въ 15-й и 30-й еще изъ чего-то.

Канунъ новаго года, такимъ образомъ, проходитъ въ хлопотахъ.—Да и не для однѣхъ хозяекъ, такъ какъ вся семья заинтересована въ приготовленіи моци, всякій помогаетъ, насколько и чѣмъ можетъ. Но, вѣдь, моци варятся, и для этого нуженъ огонь, не будничныи огонь, которымъ пользовались цѣлый годъ, не огонь отъ варварскихъ спичекъ: для моци нуженъ огонь тоже новогодній, священный. Такой огонь достается только изъ міа Гіонъ. Это капище Бога кѣотосской земли. Въ немъ горитъ всегда огонь, къ которому въ ночь на новый годъ и отправляется все Кѣото или по крайней мѣрѣ, отправлялось прежде, когда тлетворное вліяніе европейской культуры еще не проникло сюда. Каждый идетъ въ Гіонъ съ соломенной веревкой для огня, и, зажегши ее, возвращается домой, крутя и махая ей во всѣ стороны. Идутъ такимъ образомъ цѣлыя тысячи народа, наполняютъ собой всѣ улицы города. Представьте же себѣ, какое это оригивальное зрѣлище. Въ доброе старое время былъ при этомъ и еще другой, тоже весьма похвальный обычай: всегда вѣжливые и почтительные кеотосцы на этотъ разъ, именно идя или возвращаясь изъ Гіона, обязаны были бросить свою вѣжливость и быть, насколько могутъ, болѣе грубыми. На всякій толчекъ локтемъ, на всякое случайное прикосновеніе должно было отвѣчать пинкомъ, а то и оплеухой. На улицахъ поэтому шла всеобщая драка. Премилый обычай!..

Предъ 12 часами весь городъ замираетъ въ ожиданіи, но лишь только пробьетъ полночь, по всему городу опять поднимаются несвязные крики,—по улицамъ опять движеніе, это, толпы приказчиковъ съ гякомъ везутъ телѣжки, нагруженныя всякимъ товаромъ, „хацу-ни“, т. е. первый

грузъ, починъ, по нашему. Пока часы бьютъ двѣнадцать, нужно поскорѣе нагрузить телѣжку и двинуть ее съ мѣста, а потомъ провезти по улицамъ. Все это для того, чтобы въ новомъ году торговля шла благополучно. Сдѣлавши такой моціонъ по городу, накричавшись вдоволь, возвращаются домой и ѣдятъ моци. Послѣ этого болѣе ревностные продолжаютъ бодрствовать, а лѣнливые засыпаютъ, но только часовъ до 5 или 4 утра, когда снова встаютъ, ѣдятъ моци и снова тащатъ свое хацу-ни по улицамъ. И такъ цѣлое утро до обѣда, а пожалуй и цѣлый день до вечера. Всѣ провозятъ свои телѣжки: везутъ приказчики изъ большихъ магазиновъ, везутъ свои ведра и кадки бочары, даже мусорщики и тѣ не отстаютъ: нарядившись, по возможности, и они везутъ свои огромныя корзины.

Процвѣтаетъ здѣсь также и тягостный обычай невыгодныхъ визитовъ, и японцы также, и даже несравненно больше нашего, бѣгаютъ въ этотъ день изъ конца въ конецъ, облачившись въ хакама, (широкіе шаровары, по значенію—фракъ). Даже простые мастеровые и лавочники несутъ эту всеобщую повинность, притомъ не для чайковъ, а только какъ повинность. Въ большинствѣ случаевъ, хозяина, конечно, нѣтъ дома, тогда оставляется визитная карточка. Вы вотъ не знаете, зачѣмъ нужна хозяину эта карточка, а здѣсь знаютъ, по крайней мѣрѣ, знали въ доброе старое время. Новогодняя карточка имѣетъ при нуждѣ способность издавать голосъ своего господина. Стоитъ только собрать всѣ новогоднія карточки вмѣстѣ и повѣсигь при двери. Вообразите, какъ долженъ испугаться воръ, который осмѣлился бы тихонько ночью прокрасться въ вашъ домъ, когда каждая карточка закричитъ голосомъ своего хозяина! Теперь, конечно, увы, это значеніе и польза карточекъ забыта, онѣ просто бросаются, какъ никуда ненужная вещь.

Мы тоже праздновали: въ семь часовъ утра отслужили молебень, потомъ ѣли моци и ходили поздравлять другъ друга.

На Рождество послѣ обѣдни христіане сначала собрались у меня, пили чай, расположившись всѣми способами по стульямъ, по полу и даже стоя въ сѣняхъ. Потомъ былъ у насъ общій обѣдъ или завтракъ: вскладчину заказали кушанья въ японской кухмистерской. Сварень былъ рись съ

разными приправами. Христіане почти по всей Японіи такъ проводятъ день Рождества Христова. На второй день праздника мы съ катихизаторомъ и пѣвцомъ отправились по домамъ христіанъ славить, какъ и у васъ въ Россіи. Да и погода напоминала родину; было довольно холодно, даже морозно, лужи стояли замерзшими все утро. Христіане встрѣчали насъ съ обычнымъ своимъ радушіемъ. Въ каждомъ домѣ на почетномъ мѣстѣ разостлано было красное байковое одѣяло, на немъ чайный приборъ, по возможности новый или какой-нибудь вычурный, дорогой, иногда были и „забутоны“, небольшіе круглые или квадратные коврики для сидѣнья. Въ нѣкоторыхъ домахъ предъ иконами зажжены были свѣчи.—Мы пѣли, что обычно поется при славленіи, пили съ хозяевами о-ча, ѣли о-каси (пирожное), и отправлялись далѣе. Въ одномъ мѣстѣ наше пѣніе разбередило бонзу. Домъ находился какъ разъ подлѣ тѣра, и почтенный сослужитель или „атама-но маруки сенсей“ (учитель съ круглой головой), какъ въ шутку величаютъ бонзъ за ихъ бритыя головы, принужденъ былъ слушать и наши тропари и ектенію и все. Особенно „Сю аваремейо“ (Господи помилуй) ему не понравилось. На его ворчанье наши разсмѣялись, и бонза умолкъ. Изъ этого можете также видѣть, насколько тонки стѣнки японскихъ домовъ.

На Богоявленіе окрещенъ еще одинъ, молодой юноша аптекарскій ученикъ, товарищъ крещенному на Введение (того назвали Николаемъ). Таинство первый разъ пришлось совершать мнѣ самому. Совершается оно у насъ, конечно, безъ всякихъ измѣненій сравнительно съ уставомъ. Наканунѣ предъ или послѣ всенощной читаются молитвы перваго и втораго оглашенія, третье входитъ составной частью въ чинопослѣдованіе самого крещенія. Иногда крещаемый наканунѣ приглашается исповѣдать свои грѣхи, причемъ разрѣшенія ему, какъ еще не христіанину, не дается. Утромъ собираются по возможности всѣ христіане. Въ комнатѣ ставится купель, нѣчто въ родѣ японской ванны или даже прямо ванна (только, конечно, не употребляемая для обыденныхъ нуждъ), сдѣлана она просто изъ дерева безъ всякихъ украшеній. Когда приходитъ время погруженія, крещаемый сходитъ въ купель, становится тамъ на колѣни, а священникъ, положивши руку ему на голову трижды на-

клопаетъ его въ воду, произнося: крещается рабъ Божій... Новопросвѣщенный, по выходѣ изъ купели, падѣваетъ бѣлый кимоно, поверхъ котораго—свои обычныя одежды. Потомъ всѣ идутъ въ молитвенную комнату и совершаютъ литургію, если есть антиминсъ, или же только обѣдницу, за которой новый христіанинъ причащается Св. Таинъ. А потомъ, конечно, идутъ поздравленія, ликованія, больше, конечно, ликуетъ онъ самъ. До крещенія, говорилъ мнѣ одинъ изъ христіанъ, все какъ-то неясно, беспокойно на душѣ. Крестисься, и сразу—точно сѣлъ, душа успокоится и все получить опредѣленность. Да такъ, конечно, и должно быть: „прежде невозлюбленные, а теперь возлюбленные“, „прежде не люди Мои, а теперь люди Мои“, нѣсте странни и пришельцы, но сожители святыхъ и родные, присные Богу. Это долженъ чувствовать всякій, приѣмлющій св. крещеніе съ вѣрою.

Новаго христіанина мы назвали Даміаномъ, въ честь св. безсребренника-врача. Онъ самъ просилъ дать ему имя святаго, который бы, какъ онъ, занимался врачевнымъ дѣломъ, былъ бы „ися“. Этому, конечно, его научилъ Сибакхара, который тоже носитъ имя цѣлителя (Пантелеймонъ). Далъ бы Богъ, чтобы подольше остался нашъ Даміанъ въ обществѣ Пантелеймона, лучшаго руководителя для него и не съискать.

Готовилась было ко крещенію и жена Окумура, одного изъ нашихъ христіанъ (о ней я писалъ какъ-то вамъ). Она теперь уже носитъ и христіанское имя, но почему-то въ этотъ разъ не могла. Окрестимъ ее въ посту. Недавно пришель къ намъ и еще новый оглашенный студентъ Доосися (здѣшняго протестантскаго университета). Онъ началъ слушать ученіе въ Ногоя, и съ переѣздомъ сюда долженъ былъ прекратить. Теперь собирается продолжать. Можетъ быть, успѣемъ его приготовить вмѣстѣ съ Юліей, какъ теперь мы называемъ нашу оглашенную. Этотъ студентъ Морита разсказалъ много неотраднaго о Доосися. Въ этомъ университетѣ—нѣсколько отдѣленій, въ томъ числѣ и богословское. Учредители имѣли, конечно, весьма благу ю цѣль: поставить свѣтское образованіе подъ вліяніе христіанства. Но вышло совсѣмъ наоборотъ. Свѣтскіе учителя—американцы въ большинствѣ оказались атеистами, враждебными

христіанству, и невѣріе сдѣлало большой успѣхъ среди учащейся молодежи. Теперь же американцы начинаютъ возвращаться въ Америку, а на мѣсто ихъ, по обычной практикѣ японской, назначаются японцы — язычники, и полухристіанскій университетъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе теряетъ и послѣдніе слѣды христіанства.

Наши милые сослужители каждый день по утрамъ угощаютъ насъ своимъ завываніемъ. Въ какой-то изъ сектъ (кажется, въ Зенъ-сюу, созерцательной) есть правило ежедневно ходить за сборомъ милостыни, и вотъ часовъ съ восьми мимо нашего дома проходятъ партія за партіей въ широкихъ шляпахъ съ мѣшками. Что поютъ они, разобрать нельзя, только ужасно завываютъ.

Въ Кёото живетъ теперь главная знаменитость секты Зенъ-сюу, весьма ученый бонза — подвижникъ, послѣдняя „половина человѣка“, оставшаяся въ буддизмѣ. Не помню, кто именно, по какой-то знаменитый японецъ сказалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что въ буддизмѣ осталось всего только полтора человѣка: нашъ кеотосскій подвижникъ представлялъ изъ себя половину, а еще кто-то цѣлаго человѣка. Теперь цѣлый человѣкъ уже умеръ, и во всемъ японскомъ буддизмѣ осталась только половина. Живетъ эта половина въ одномъ изъ самыхъ тихихъ уголковъ Кеото за Доосиса, среди обширныхъ парковъ, оставшихся отъ прежнихъ счастливыхъ временъ буддизма. Монастырь въ свое время, должно быть, былъ и богатъ и великъ. Еще до сихъ поръ сохранились его входныя ворота, чуть не на полверсты вынесенныя впередъ. Отъ нихъ ведетъ въ монастырь роскошнѣйшая, весьма величественная аллея громаднхъ, столѣтнихъ деревьевъ, съ статуями по мѣстамъ, съ мостомъ чрезъ классическій для буддійскихъ монастырей прудъ, поросшій лотосомъ. Но, увы, теперь чрезъ эти триумфальныя ворота и чрезъ этотъ философскій мостъ никто не ходитъ да и нельзя: на величественной аллеѣ теперь разбиты совсѣмъ невеличественныя грядки и растетъ чай. Гдѣ прежде въ Капитоліи вѣнчались цари... Въ монастырѣ нѣсколько храмовъ, два весьма большіе, обширныя помѣщенія для монаховъ, кругомъ идетъ галлерей или просто крытый ходъ для разныхъ процессій и хожденій, которыя, нужно сказать, въ этой сектѣ весьма приняты при богослуженіи. Въ другихъ

сектахъ бонза обычно при богослуженіи сидитъ на одномъ мѣстѣ предъ идоломъ и мурлыкаетъ свои безконечныя: Наму мео кео Ренге-кео или Наму Амида бу. Первое-принадлежность секты Ренге, самой воинственной или фанатической секты японскаго буддизма, неуживающей даже съ другими буддѣйскими сектами (что, конечно, довольно непонятно, такъ какъ секты въ старомъ буддизмѣ отличаются другъ отъ друга въ сущности только частностями, особенностями въ обрядахъ и т. п., вродѣ католическихъ монашескихъ орденовъ). Другая молитва или восклицаніе принадлежитъ всѣмъ сектамъ безъ различія. Такъ, въ другихъ сектахъ, говорю я, бонза всегда сидитъ, мурлыкаетъ и иногда постукиваетъ въ тактъ по какой-то странной фигурѣ, лежащей предъ нимъ (какая-то миеическая черепаха). Въ Зенъ-сую же бонза мурлыкая ходитъ, для чего у нихъ устроены особыя дорожки, которыя идутъ и переплетаются между собой по всему храму. Кромѣ этого, имѣются еще особенныя процессіи въ извѣстные праздники.

Монастырь, о которомъ я говорю, теперь совсѣмъ спитъ, нѣсколько разъ я былъ въ немъ и, кромѣ простыхъ рабочихъ, копавшихъ что-то около воротъ, ни разу не встрѣтилъ и даже не слыхалъ никого другого. Большія хоромы стояли молча, главный же храмъ, кажется, и совсѣмъ заколоченъ. Раннимъ утромъ тамъ, впрочемъ, говорятъ, бываетъ нѣкоторое оживленіе. Часа въ три утра или раньше совершается, какъ и во всѣхъ буддѣйскихъ монастыряхъ утренняя служба, послѣ которой знаменитый бонза проповѣдуетъ. Со всего Кеото собираются къ нему бонзы этой секты и другіе, интересующіеся проповѣдью. Часъ или два бонза говоритъ, — говоритъ, конечно, витѣвато и научно, т. е. до невозможности мудрено, такъ что требуется громадный навыкъ, чтобы понять что-нибудь изъ его премудрости. Не даромъ въ народѣ есть пословица про эту мудрость буддѣйскихъ бонзъ. Послѣ проповѣди ученики завтракаютъ и потомъ отправляются завывать по городу, собирая милостыню. Не думайте, что я называю пѣніе бонзъ завываніемъ изъ нерасположенія къ нимъ, ипаче и нельзя его назвать, завываніе въ самомъ прямомъ и буквальномъ смыслѣ.

Секта Зенъ-сую принадлежитъ къ самымъ отвлеченнымъ

и созерцательнымъ сектамъ буддизма, поэтому, не знаю, имѣла ли она когда-нибудь особенное распространеніе и вліяніе на народъ. Въ Кеото въ старые годы процвѣтала другая секта Тен-дай-сюу. Въ сѣверо-восточномъ углу кеотосской долины возвышается огромная, остроконечная гора, которая царитъ надъ всей долиной и надъ всѣми окружающими горами. Это—Хи-ей-занъ или гора подобная Эй, той горѣ въ Китаѣ, на которой жилъ основатель этой секты. Хи-ей-занъ былъ своего рода Аеономъ для японскихъ тендайцевъ. Въ старые годы весь онъ отъ вершины до подошвы покрытъ былъ буддійскими монастырями, храмами и часовнями. Были тамъ и философскія школы и пр. До трехъ тысячъ монаховъ жило тамъ, и народъ все былъ не то, что теперь. Не одинъ разъ въ исторіи Японіи хиейзанскіе сослужители отлагали въ сторону свои четки и молитвенники, покрывали свои бритыя головы шлемамз, и съ оружіемъ въ рукахъ, въ латахъ спускались со своей горы внизъ, въ Кеото. Тогда они, особенно въ союзѣ съ бонзами другихъ такихъ же Аеоновъ (а ихъ было нѣсколько въ Японіи, для каждой большой секты-сѣой), бывали страшны самимъ японскимъ императорамъ. Теперь все это миновало, оружіе отъ бонзъ отобрали, приношеній на ихъ долю приходится гораздо меньше, поэтому и тендайскій Аеонъ опустѣлъ и опустился. Много храмовъ разрушено, многіе пусты, бонзъ теперь нѣтъ и десятой доли противъ прежняго. Тѣмъ не менѣе Хи-ей-занъ интересенъ и теперь, и даже можетъ быть теперь-то особенно онъ и интересенъ, навѣвая на своего посѣтителя разныя мечты о своей прошедшей жизни. Тамъ идешь по какому-то особому царству, вездѣ тишина, вездѣ молчащіе храмы, вездѣ слѣды какихъ-то усилій, подвиговъ. Вѣдь, жили же люди всѣмъ этимъ. Конечно, воюющіе бонзы едва ли могли бы намъ объяснить, почему и зачѣмъ они живутъ, да пожалуй и о подвигахъ-то неудобно было бы ихъ спрашивать. Но вѣдь были же и настоящіе подвижники.

Вся гора покрыта густымъ лѣсомъ, отъ чего таинственность и особенная прелесть ея еще болѣе увеличивается. Мы ходили тамъ цѣлый день, и чего только не видали тамъ? Видѣли и слѣды ногъ Будды, отпечатанные на камнѣ. Всего больше тамъ помнится имя японскаго героя-богатыря Бенкея. Бенкей былъ тоже бонзой,—когда жилъ, неизвѣстно,

по крайней мѣрѣ, мнѣ. Былъ онъ примѣрный и монахъ и богатырь. На Хи-ей-занѣ показывали намъ источникъ воды, открывшійся по молитвамъ Бенкея. „Такъ говорятъ“, прибавила съ улыбкой старушка, показывавшая намъ этотъ источникъ (о скептицизмѣ!). А тутъ же неподалеку стоятъ два храма, соединенные между собою крытой галлереей на столбахъ: Бенкей во время оно нашель эти храмы гдѣ-то далеко внизу, они ему приглянулись, и онъ, не долго думая, подставилъ свое могучее плечо подъ галерею и перенесъ эти два храма, какъ коромысло съ ведрами, къ себѣ на Хи-ей-занѣ. Спускаетесь вы съ Хи-ей-зана на противоположную сторону отъ Кеото, къ знаменитому озеру Бива, съ полчаса ѣзды по берегу этого озера, и вы встрѣчаете знаменитый буддѣйскій храмъ Ми-дера. Въ старые годы и у этого монастыря было много силы, и его настоятель пользовался большимъ почетомъ, такъ что могъ спорить изъ-за первенства съ самимъ настоятелемъ Хи-ей-зана. При похоронахъ одного императора споръ изъ-за первенства едва не повелъ къ междуусобной войнѣ. Такъ, вотъ въ этомъ Ми-дера (храмъ трехъ колодцевъ) покажутъ вамъ громадный колоколь, на видъ пудовъ въ пятьсотъ. Колоколь этотъ висѣлъ, кажется, на Хи-ей-занѣ и звонилъ очень громко и мелодично къ вящей досадѣ соперничающаго Ми-дера. Бенкей, „икатте“ (разсердившись), въ одинъ прекрасный день отправился туда, взвалилъ колоколь себѣ на плечи и принесъ сюда (Спрашивается, гдѣ же жилъ Бенкей: на Хи-ей-занѣ или въ Ми-дера? Но ужъ это-отрицательная критика).

Продолжая идти все въ томъ же направленіи по берегу Бива къ Оцу, встрѣтимъ синтоистическій храмъ съ рѣдкостной сосной, которая одна представляетъ изъ себя цѣлый садъ. Она изъ породы ползучихъ сосенъ, но достигла въ свою долгую жизнь чудовищныхъ размѣровъ, чего, конечно, достаточно, чтобы признать ее священной. Высота дерева 90 футовъ, ширина вѣтвей съ востока на западъ 240 ф., съ сѣвера на югъ 288 ф., все оно стоитъ на подпоркахъ, такъ что только послѣ долгаго разсматриванія поймешь, что это одно дерево.

Но возвратимся къ Хи-ей-зану. На немъ есть три достопримѣчательныя лица: аяри въ заштатѣ (инкео), аяри

настоящій и кандидатъ на азяри, для всѣхъ временъ по азяри: прошедшій, настоящій и будущій. Азяри въ переводѣ значить собственно подвижникъ, но въ настоящемъ случаѣ это названіе является почетнымъ титуломъ настоятеля всѣхъ монастырей Хи-ей-зана. Для каждаго изъ трехъ азяри на горѣ существуютъ особые монастыри, пользующіеся почетомъ и извѣстные своимъ богатствомъ и рѣдкостями. Въ самомъ верхнемъ изъ нихъ живетъ азяри-инкео, заштатный азяри. Монастырь его славится бронзовой кровлей своего главнаго храма и идоломъ, изображающимъ какого-то древняго знаменитаго бонзу этой секты. Идолъ этотъ считается настолько священнымъ, что простому народу его и не показываютъ, онъ стоитъ всегда закрытымъ и открывается только для императора или для императорскаго посла. Въ прежніе годы въ извѣстный день приходилъ сюда самъ микадо, ежегодно присылалось отъ него обильное приношеніе монастырю и заштатному азяри. Теперь все это только преданіе. Заштатный азяри живетъ въ своемъ монастырѣ въ полномъ спокойствіи, не занимаясь никакими дѣлами управленія. Его опытность дѣлаетъ его совѣты весьма нужными и важными, его вліяніе заставляетъ всѣхъ его уважать. Поэтому, онъ пользуется гораздо большимъ уваженіемъ и почетомъ, чѣмъ азяри, находящійся у дѣль.

Когда заштатный азяри умретъ, дѣйствующій азяри уходитъ на покой, а на его мѣсто вступаетъ кандидатъ, до сихъ поръ томившійся ожиданіемъ и проживавшій въ нижнемъ изъ главныхъ монастырей. Тогда поднимается вопросъ о присканіи лица на мѣсто этого кандидата или будущаго азяри. Избранный вступаетъ въ свою должность послѣ долгаго и труднаго искуса. Три года онъ долженъ странствовать по богомольямъ: первый годъ ежедневно долженъ обойти всѣ храмы и монастыри на Хи-ей занѣ; во второй годъ и тоже ежедневно — всѣ храмы и монастыри въ Кесто, въ третій годъ—къ уроку прибавляются еще храмы и монастыри ближайшихъ окрестностей Кесто. Когда онъ начинаетъ свой искусь, ревнители—міряне собираются толпой и ходятъ за нимъ неотлучно въ продолженіи дней десяти или около того, поддерживая его за руки, за плечи и пр., вообще всячески помогая ему, такъ какъ въ это время

сидѣть и отдыхать ему не полагается. Такъ, по крайней мѣрѣ, гласить законъ и обычай, на практикѣ можетъ быть существуютъ и послабленія, какъ и во всякой практикѣ. Окончивши искусь, азари будущаго поселяется въ нижнемъ монастырѣ и ждетъ терпѣливо или нетерпѣливо смерти заштатнаго азари, чтобы самому вступить въ управленіе всей горой Хи-ей-заномъ.

Но какъ ни святъ азари, какихъ чудесъ и силы ему ни приписываютъ, а все онъ и половины не стоитъ „монзеки“, главы секты новаго буддизма, хотя послѣдній (или лучше послѣдніе, такъ какъ секта распалась на двѣ вѣтви, и каждая изъ нихъ имѣетъ своего монзеки), женатъ. Объ этомъ монзеки мнѣ пришлось слышать много рассказовъ, особенно о томъ фанатическомъ обожаніи, какимъ онъ пользуется въ народѣ. Около монзеки всегда находятся двое молодыхъ людей, что-то въ родѣ ассистентовъ, никогда его не оставляющихъ. Одинъ изъ нихъ, знакомый нашему Пантелеймону, и рассказывалъ. Каждый годъ монзеки объѣзжаетъ часть Японіи, посѣщая своихъ буддистовъ. Вотъ однажды, годъ тому назадъ, пріѣхали они на пароходъ къ одному городу на Кіу-Сіу. Весь берегъ покрытъ былъ сплошной массой народа, всѣхъ возрастовъ и состояній. Лишь только пароходъ бросилъ якорь, цѣлыя тысячи мужчинъ и женщинъ, снявши свою верхнюю одежду, бросились въ море и на водѣ построились шпалерами вплоть до самаго парохода. Кто стоялъ, кто плавалъ, если было глубоко. Каждый схватился рукою со своимъ визави и на руки положили доски — образовался живой мостъ, по которому и прошелъ торжественно монзеки. Припошенія этому почетному гостю, конечно, льются рѣкой, только не уставай брать. Путешествуетъ онъ, поэтому, медленно, останавливаясь на ночлегъ чрезъ каждыя пять ри. Но и этого его вѣрнымъ почитателямъ кажется мало, каждое селеніе старается залучить дорогого гостя на ночлегъ къ себѣ не въ очередь. Станія эти по большей части выражаются въ томъ, что подкупаютъ ассистентовъ, а иногда принимаютъ и болѣе радикальныя мѣры. Въ Мино, напр., чтобы зазвать къ себѣ монзеки почитатели его вооружились веревками и ловили курума, на которомъ ѣхалъ монзеки. Этотъ послѣдній пересѣлъ на лошадь, но лошади связали ноги; монзеки—

въ каго (паланкинъ), но и паланкинъ захватили в ревки, пришлось уступить. Однажды монзеки западной вѣтви (Ниси-Хонганзи) вздумалъ посѣтить село, принадлежащее монзеки восточной вѣтви (Хигаси-Хонганзи), потому что „вѣбоку“ было, т. е. они между собой не ругались въ эту пору. Случилось такъ, что ему приходилось въ эту чужую часть заѣхать раньше, чѣмъ въ свою. Свои сильно оскорбились, — конечно, не на монзеки, такъ какъ онъ выше всякихъ мірскихъ мелочей, а на ассистентовъ, они-де все это устроили. На дорогѣ поставили тынъ и взявши дреколѣ, стали ждать, съ твердымъ намѣреніемъ избить и убить ассистентовъ, если монзеки всетаки поѣдетъ къ чужимъ сначала. И въ этомъ случаѣ пришлось уступить. Все это, конечно, происходило въ провинціяхъ, гдѣ буддизмъ силенъ, гдѣ встрѣчаются еще самые фанатическіе его приверженцы. Напр., въ одномъ изъ городовъ сѣверной Японіи, т. е. на берегу обращенномъ къ Владивостоку, ожидали пріѣзда монзеки, устроена была особая загородъ, чтобы какъ-нибудь предохранить его отъ напора фанатической толпы, стояла полиція въ усиленномъ составѣ. Пріѣхалъ, наконецъ, монзеки. Не успѣлъ онъ сойти изъ вокзала, какъ одинъ крестьянинъ ломаетъ загородъ бросается къ монзеки и схватывается за него. Полиція бросилась отгалкивать слишкомъ усерднаго почитателя, но тотъ твердилъ только, что теперь ему хоть и умереть хорошо вмѣстѣ съ живымъ Ками-сама (богомъ). Долго пришлось повозиться съ нимъ. Все это доказательства того, что буддизмъ по мѣстамъ не умеръ, хотя, конечно, сами эти живые боги съ ихъ ассистентами и пр. давно бросили всякую вѣру. Въ провинціяхъ, гдѣ не умеръ еще буддизмъ, проповѣдь теперь идетъ не особенно живо и успѣшно, сравнительно съ другими провинціями, но за то тамъ, пожалуй, больше надежды на массовое обращеніе и вообще на принятіе христіанства въ будущемъ. Главное препятствіе къ вѣрѣ, вѣдъ, не ложная вѣра, а холодность, теплохладность, съ которой уже ничего не подѣлать. Тотъ, кто спорить, ненавидитъ проповѣдника за проповѣдь, скорѣе повѣритъ, чѣмъ улыбающійся и соглашающійся на все, напр., кеотосецъ. Въ Кеото, правда, привязанность къ буддизму тоже велика, но это привязанность совсѣмъ особаго сорта. Кеотосцы кормятся отъ тера

и отъ богомольцевъ, боятся потерять средства къ жизни, они даже не рѣшаются и спросить себя искренно, насколько они вѣруютъ во всѣ эти тера и въ бонзъ съ ихъ мурлыканьемъ. Не даромъ здѣсь всего болѣе и распространены разныя шутки и пословицы про бонзъ.

ПИСЬМО XXIV.

4 Мая 1893 г. Кеото.

За тотъ долгій періодъ времени, который протекъ съ послѣдняго моего письма къ вамъ, очень много воды утекло, многое случилось интереснаго, а всего болѣе было разныхъ праздниковъ нашихъ и языческихъ. Начну, впрочемъ, по возможности съ начала.

Не задолго до великаго поста я отправился въ Тоокѳо, не столько по дѣлу, сколько потому, что хотѣлось повидаваться со своими. Путешествіе вышло не изъ пріятныхъ. Было холодно въ тоненькихъ желѣзнодорожныхъ вагонахъ, несчастныя грѣлки для ногъ мало помогали, а тутъ еще мятель, на дорогѣ постоянные заносы. Пришлось нѣсколько разъ стоять на станціяхъ по часу и больше, и въ концѣ всего, вмѣсто утра, я прибылъ въ Тоокѳо къ шести часамъ вечера. Конечно, сугробы снѣга напоминали родину, но, вѣдь, хорошо смотрѣть на снѣгъ, одѣвшись въ мѣховую шубу въ легкой же рясѣ удовольствіе получается далеко не такое. Впрочемъ, плохо только ночью: утромъ, вмѣстѣ съ мракомъ пропадаютъ и вѣтры, и мятели, да и холодъ значительно уменьшается. Тѣмъ не менѣе, не могу понять, какъ это японцы, проживя, по ихъ рассказамъ двѣ тысячи лѣтъ въ своей странѣ, до сихъ поръ ничего не могли выдумать въ защиту отъ ея холодовъ. Навьючить на себя весь своей гардеробъ и сидѣть — коптиться поллѣ курной хибацѣ, всетаки ежась отъ холода, во всякомъ случаѣ не остроумно. Что же приходится имъ испытывать на сѣверѣ, гдѣ зима и продолжительнѣе и суровѣе, немногимъ, можетъ быть, помягче русской?

Въ нашей миссіи былъ въ то время гость—о. П., вновь назначенный китайскій миссіонеръ. Въ Пекинъ зимой нельзя было пробраться или, по крайней мѣрѣ, очень трудно, онъ и заѣхалъ къ намъ въ Японію зимовать и кстати по-

смотреть на нашу страну и на нашу миссію. Время проходило довольно незамѣтно. Я нѣсколько разъ преподавалъ въ Семинаріи и въ катихизаторской школѣ, вмѣсто одного японца-преподавателя, у котораго заболѣлъ смертельно сынъ. Пришлось намъ заняться и переписываніемъ отчета за прошлый годъ. Обыкновенно, отчетъ составляется и собственноручно переписывается въ трехъ экземплярахъ самимъ преосв. Николаемъ, который для всего находитъ у себя и времени и силъ. Но на этотъ разъ пришло какое-то распоряженіе, нужно было какую-то статью переставить въ другое мѣсто, и вотъ всѣ три экземпляра уже готоваго толстаго отчета пришлось переписывать снова. Преосвященный принужденъ былъ обратиться къ нашему содѣйствію. Бѣда съ этими отчетами!

Въ среду на четвертой подѣлѣ мы отправились вдвоемъ съ о. П. въ обратный путь: онъ провожалъ меня до Кёото, чтобы въ Кобе сѣсть на французскій пароходъ и переправиться въ Китай. По дорогѣ мы рѣшили посѣтить наши церкви въ Хамамацу и въ Нагоя. Изъ Тоокео, конечно, послано было извѣстіе въ ту и другую церковь, и потому насъ ожидали.

Хамамацу находится приблизительно на срединѣ разстоянія между Кёото и Тоокео. Мы прибыли туда часамъ къ четыремъ вечера. На станціи собралось уже много христіанъ, всѣ въ праздничныхъ одеждахъ, всѣ съ поклонами, улыбками. Здѣшняя церковь въ матеріальномъ отношеніи, пожалуй, самая лучшая, да и въ нравственномъ отношеніи отнюдь не плохая. Христіане почти всѣ мѣстные домовладѣльцы, живутъ въ достаткѣ, цѣлыми семьями. Самая первая семья въ нѣсколько поколѣній, всѣ живутъ вмѣстѣ подъ главенствомъ старзка - отца, и всѣ хорошіе христіане. Эта семья купила и пожертвовала для церковнаго дома порядочный участокъ земли, да и самый домъ почти тоже она построила. Старикъ строго блюдетъ свою вѣру и не стыдится исповѣдывать ее предъ своими согражданами. Въ воскресный день его лавки (онъ одинъ изъ первыхъ богачей города) всегда закрыты. Не плавить снѣгъ и на городскія празднества въ честь какого-то храма. Этотъ праздникъ имѣетъ, конечно, больше гражданскій характеръ, чѣмъ религіозный, но все же поводъ-то къ нему

языческій, христіанская совѣсть не всегда можетъ одобрить участіе въ немъ христіанина. Сograждане пытаются какъ-нибудь отплатить старику за его твердость, но сдѣлать ничего съ нимъ не могутъ, всѣ ихъ стрѣлы ограничиваются только тѣмъ, что не поливаютъ улицы предъ его домомъ, и т. п.

Катихизаторъ въ Хамамацу получаетъ содержаніе не отъ миссіи, а отъ церкви же. Это одинъ изъ немногихъ примѣровъ. Впрочемъ, нигдѣ и условія матеріальныя такъ не хороши, какъ въ этой церкви.

Всѣ христіане, одинъ за другимъ подошли къ намъ подъ благословеніе, низко наклоняя головы (благословеніе берется здѣсь не руками, а на голову, что по японскимъ понятіямъ о почтеніи болѣе прилично. Впрочемъ, обычай этотъ установился самъ собою, можетъ быть, даже вопреки указаніямъ миссіонеровъ). Поздоровавшись съ ними, мы сѣли въ дзінрикіи и помчались по улицамъ къ церковному дому. За нами также быстро неслись длинной вереницей еще съ двадцать или болѣе дзінрикіи съ христіанами. Въ городѣ, конечно, къ великой радости и удовольствію распорядителей приѣма, большая сенсація.

Церковный домъ стоитъ на одной изъ хорошихъ улицъ. Выстроенъ онъ нѣсколько на европейскій образецъ, т. е. изъ дерева съ стеклянными окнами, въ два этажа, выкрашенъ бѣлой масляной краской, и бѣлѣтся на всю улицу. На крыльцѣ насъ встрѣтила съ такими же улыбками другая партія христіанъ. Мы, конечно, сняли нашу варварскую обувь и поднялись прямо во второй этажъ, гдѣ устроена молельня. Она имѣетъ видъ храма съ иконостасомъ, съ престоломъ и жертвенникомъ. Вездѣ чисто, опрятно. Живопись на иконахъ хорошая, на жертвенникѣ прекрасные сосуды. Видно, что за храмомъ смотрятъ и усердствуютъ къ нему.

По принятому здѣсь обычаю при посѣщеніи церковей, я, облачившись въ рясу и въ здѣшнія эпитрахиль съ фелонью, началъ вечерню. Одинъ изъ молодыхъ христіанъ облачился въ стихарь и сталъ на лѣвомъ клиросѣ за псаломщика (катихизатора не было дома). Нѣсколько дѣвочекъ съ учителемъ пѣнія во главѣ образовали хоръ, своимъ усердіемъ покрывавшій (и не безъ успѣха) нѣкоторые недочеты въ

стройности. Вечерня кончилась, я снялъ эпитрахиль и фелонь и, сѣвши на табуретку у соли, сказалъ, какъ могъ, проповѣдь. Мои слушатели были все мужчины, такъ какъ хозяйки ихъ остались домовничать. Сидѣли они на полу, поджавши ноги, сложивши руки на колѣняхъ и сосредоточенно опустивъ голову. Я молилъ Бога, чтобы понятно было имъ мое косноязычіе.

Послѣ вечерни спустились внизъ, познакомились съ христіанами, пили о-ча съ разными печеньями, а потомъ насъ повели на ночлегъ въ кухмистерскую, такъ какъ гостиниць порядочныхъ здѣсь нѣтъ. Распорядители провели насъ въ самую почетную комнату, съ какемоно, съ причудливыми колонками изъ сосенъ въ корѣ, съ видомъ на рѣку (правда, видъ этотъ пришлось по возможности закрыть и завѣсить: было холодно, а съ рѣки несло сыростью совсѣмъ негостепріимно). Черезъ нѣсколько времени подали японскій ужинъ, т. е. гозенъ съ разными супами и ухою, съ сладкимъ въ видѣ бобовъ въ сахарѣ, съ угрями, пастоящій лукулловскій ужинъ! Распорядители пододвинули намъ по подносу съ ужиномъ, поставили рядомъ на полу круглую миску съ рисомъ, и потомъ, всхлипнувши и поклонившись, удалились въ другую комнату и двери за собой захлопнули (точнѣе задвинули ширмы). Это одинъ изъ видовъ японской вѣжливости: пусть гость наслаждается ужиномъ, не стѣсняясь присутствія хозяевъ.

Въ той же комнатѣ потомъ приготовили намъ и постель. Принесли цѣлую гору одѣялъ (футонъ), толщиной каждое верхка въ два, а то и больше, настоящіе матрацы; чтобы они сгибались, къ нимъ пришивается что-то въ родѣ рукавовъ, такихъ же толстыхъ и тяжелыхъ. Вы покрываетесь одѣяломъ, и рукава, спускаясь по ту и другую сторону, заставляютъ одѣяло плотно прилегать. Я къ такой ночевкѣ успѣлъ привыкнуть, и потому не просыпался до самага утра. Но мой бѣдный компаньонъ, пріѣхавшій изъ трониковъ, и никогда не ночевавшій зимой при температурѣ улицы, страдалъ всю ночь, давая себѣ обѣщаніе впредь никогда въ японскомъ домѣ не ночевать.

Утромъ хозяинъ подаль намъ о-ча. Это уже было не за плату, а изъ уваженія, какъ говорится, и значило, что и мы должны тоже оказать хозяину какое-нибудь уваженіе,

т. е. подарить что-нибудь на чай. Этого требуетъ японское приличіе, размѣръ же „чая“ опредѣляется общественнымъ рангомъ гостя. Мы, конечно, соблюли этотъ обычай, и вотъ при уходѣ напемъ со всего дома, изъ кухни, со двора выбѣжали слуги, кланяясь въ землю и съ всхлипами благодаря насъ (хотя имъ бѣднымъ ничего изъ этого чайка не достанется). Это тоже требованія этикета, теперь уже не извѣстнаго въ большихъ городахъ.

Мы отпраздновали по домамъ христіанъ. Ихъ здѣсь много, такъ что наши визиты пришлось сократить до послѣдней степени. Ограничивались только тѣмъ, что заходили въ двери каждаго дома, раскланивались съ хозяевами, торопливо надѣвавшими свои форменные кимоно, получали благодарности за посѣщеніе и шли дальше. Въ одиннадцать часовъ я служилъ обѣдницу такимъ же порядкомъ, какъ и вчера, только на этотъ разъ молились и были слушателями моей проповѣди уже женщины: мужья сидѣли по домамъ. Послѣ проповѣди выступили какіе-то Филемонъ и Бавкида, старичекъ со старушкой, и просили отслужить благодарственный молебенъ; старичку въ этотъ день исполнилось 71 годъ, а старушка, хотя и не праздновала сегодня дня рожденія, но всеже имѣла основаніе благодарить Бога за свою долговѣчность: ей было 73 года. Отслужили, по возможности, молебенъ (книги не было и ектевію пришлось сочинять), а послѣ внизу было для всѣхъ угощеніе: красный рисъ, т. е. рисъ, сваренный съ краснымъ горошкомъ,—высшее лакомство!

Собрались къ намъ дѣти. Кто просто глядѣлъ на насъ, крѣпко держась за полу матери и сосредоточенно сося свой палецъ. Нѣкоторые опасливо брали изъ рукъ гостинцы, по возможности поспѣшно ударая назадъ. Но были и такіе, которыхъ мы спрашивали и молитвы и все. Между прочимъ подошли три дѣвочки-подруги, крещенныхъ вмѣстѣ, одну звали Сигъ (Вѣра) другую Аи (Любовь), третью Бо (Надежда). Это первый случай перевода именъ на японскій языкъ. Обыкновенно, каждый нашъ христіанинъ имѣетъ два имени: японское и христіанское. Для удобства, новорожденнымъ теперь стараются дать такое японское имя, которое бы немного напоминало христіанское. Здѣсь же догадались просто перевести христіанскія имена, тѣмъ бо-

лѣе что и у насъ эти имена переведены на русскій. Ребята, крестьясь, читали намъ молитвы и заповѣди, за что получили, конечно, награду. Дай Богъ, чтобы эти молодые побѣги и въ другихъ церквахъ воспитывались также тцательно. Отъ нихъ зависитъ будущее.

Черезъ нѣсколько времени мы расширились съ нашими любезными хозяевами и такимъ же торжественнымъ поѣздомъ отправились на станцію желѣзной дороги. До Нагоя нужно ѣхать часа два, такъ что скоро мы были тамъ. Церковный домъ здѣсь весьма обширенъ (такъ какъ и церковь многочисленная). Молежня устроена тоже по образцу храма, съ иконостасомъ и пр. Жаль только, что мы запоздали со своимъ приѣздомъ: насъ ждали утромъ, и тогда собрались всѣ христіане. Пождали-пождали и разошлись. А собирать ихъ теперь было уже поздно: Нагоя—городъ огромный, нѣкоторымъ пришлось бы идти по часу и больше. Человѣкъ съ тридцать всетаки было. Опять служили вечерню, опять была проповѣдь. Катихизаторъ стоялъ на лѣвомъ клиросѣ и исправлялъ службу псаломщика. Нѣсколько человѣкъ пѣло. Хотѣлось бы и съ этими христіанами поговорить, хотѣлось бы всѣхъ ихъ посѣтить. Но времени намъ не было: ночью мы отправились далѣе, чтобы не ночевать опять въ японскомъ домѣ. Мы бѣгло осмотрѣли городъ, проѣхали мимо знаменитаго „сирó“ (древняя крѣпость) съ его золотыми рыбами на кровляхъ. Посѣтили нѣкоторыхъ изъ христіанъ, дома которыхъ находились на дорогѣ. Одинъ между прочимъ фотографъ, владѣлецъ лучшей здѣшней фотографіи. Христіанинъ тоже хорошій и выбранъ сицудзи, т. е. старостой церкви. Въ полночь отправились далѣе, въ Кеото, куда и прибыли на слѣдующій день въ пять часовъ утра, промерзши насквозь и тысячу разъ расквашаясь, что не остались ночевать въ Нагоя.

О. П. пробылъ у меня дня четыре, терпѣливо выдерживая тѣсноту и неудобство въ комнатѣ. Мы, впрочемъ, понапрасну времени не теряли: утромъ и вечеромъ, пока свѣтло, разѣзжали по здѣшнимъ достопримѣчательностямъ. О. П. осматривалъ все въ качествѣ туриста, а я, пользуясь благовиднымъ предлогомъ, потому что одинъ бы не собрался. Были мы и въ Кинъ-каку-дзи, т. е. золотомъ дворцѣ.

Это собственно говоря, буддѣйскій монастырь, въ саду котораго стоитъ увеселительный дворецъ какого-то императора, круглый павильонъ съ золотымъ павлиномъ (символъ императора) на вершинѣ. Въ саду вамъ покажутъ и мѣсто гдѣ пилъ о-ча основатель этого дворца и еще много другихъ вещей, напоминающихъ веселую старину. Съ верхней галлерей вамъ укажутъ на прудъ и на красныхъ рыбъ, на которыхъ любовался въ свое время и кормилъ императоръ, Можете и вы за „сень“ достать корма и бросить его рыбамъ въ память императора. Послѣ осмотра (какъ и въ каждомъ буддѣйскомъ монастырѣ, въ Кинъ-каку-дзи много всякихъ археологическихъ рѣдкостей, древнихъ дорогихъ картинъ, ширмъ, посуды, мебели), посѣтителей угощаютъ ма-ча. Это чай въ порошокъ, его завариваютъ особымъ образомъ и пьютъ изъ большихъ чашекъ съ разными церемоніями, строго установленными, съ особымъ видомъ печенья и даже въ комнатѣ особаго устройства, специально приспособленной именно для питья этого чая. Въ Кинъ-каку-дзи, конечно, намъ особой комнаты не отвели, да и мы не знали тонкостей чайнаго церемоніала, выпили по чашкѣ самымъ варварскимъ, обыкновеннымъ образомъ. Во время чая послышалось характерное мурлыканье и завыванье молящагося бонзы.—„Что это такое у васъ? спрашиваемъ угощавшаго насъ бонзу.—„Это у насъ вечерня, каждый день въ эти часы бываетъ“. Шужно посмотрѣть, едва ли когда встрѣтится такой удобный случай наблюдать монастырскую жизнь въ буддизмѣ. Оказывается эта вечерня была совсѣмъ обыкновеннаго вида. Молоденькій бонза — мальчикъ лѣтъ двѣнадцати сидѣлъ на полу предъ идоломъ и преусердно распѣвалъ что-то такое, гнуса во всю и ударяя въ гонгъ. Монастырская братія, которую и хотѣлось собственно посмотрѣть, такимъ образомъ возложила молитвы на этого мальчугана, сама занятая, безъ сомнѣнія, болѣе важными дѣлами. Довольно остроумно, хотя далеко не такъ, какъ молитвенныя мельницы тибетскихъ буддистовъ.

Въ субботу, т. е. на слѣдующій день послѣ нашего приѣзда прибылъ о. Іоаннъ Оно, изъ Оосака. Вечеромъ онъ исповѣдалъ нѣкоторыхъ изъ христіанъ, а на утро крестилъ нашу Юлію. Я совершалъ литургію, за которой и новокрещенная и исповѣдники приобщились св. Таинъ. И за все-

нощной, и за обѣдней я доставилъ и себѣ и христіанамъ рѣдкое удовольствіе послушать проповѣдь о. Іоанна. Дѣйствительно, говорить образцово. Говорить онъ совсѣмъ просто, но такъ ясно, такъ складво, что положительно невозможно устать его слушая. Такъ и льется его ясная, прозрачная и простая рѣчь.

На слѣдующій день о. Іоаннъ уѣхалъ далѣе по церквамъ, а мы съ о. П. направились въ Оосака, гдѣ въ этотъ день должно происходить одно изъ торжественнѣйшихъ и многлюднѣйшихъ буддѣйскихъ торжествъ—праздникъ умершихъ. Я вамъ, можетъ быть, когда нибудь писалъ, что въ Оосака есть замѣчательный храмъ Тенно-зи, представляющій изъ себя собственно цѣлую серію большихъ и малыхъ храмовъ, заключенныхъ въ одну ограду. Это цѣлый огромный кварталъ на краю города. Въ день поминовенія умершихъ въ Тенно-зи совершается торжественная служба съ участіемъ главнаго бонзы, и народу собирается туда не одинъ десятокъ тысячъ. Мы къ сожалѣнію къ этой службѣ не успѣли. Видѣли только, какъ проѣхалъ изъ храма главный бонза въ дзинърикиса съ ливрейными возницами. Народная волна пронесла насъ по улицамъ (движеніе на дзинърикиса должно было прекратиться) къ входнымъ воротамъ Тенн ози. Сквозъ двойной рядъ полиціи проникли мы во дворъ,—вездѣ давка, вездѣ движеніе. Больше, конечно, гуляющихъ, простыхъ зрителей, чѣмъ богомольцевъ, но и этихъ послѣднихъ несмѣтное число. Во всѣхъ храмахъ бонзы не успѣваютъ собирать деньги, горятъ тысячи свѣчъ (каждый желающій покупаетъ въ храмѣ свѣчу и зажигаетъ ее). На дворѣ подъ открытымъ небомъ устроенъ особый помостъ, на которомъ поставленъ небольшой идолъ и сидятъ бонзы со всѣми своими принадлежностями, съ гонгами, съ молитвенниками. Это потому, что въ храмахъ нѣтъ мѣста для всѣхъ. Каждый богомольецъ подаетъ бонзѣ небольшую табличку (можно бы сказать листикъ дерева, на столько тонка и изящна эта табличка) или таблички съ именами своихъ умершихъ родственникововъ. Бонза получаетъ деньги, читаетъ какую то молитву, ударяетъ въ гонгъ или колоколь и возвращаетъ таблички, поминовеніе совершено. Послѣ этого полезно омыть грѣхи умершихъ, и всѣ приспособленія для этого тутъ же подъ рукой: въ Тенно-зи есть фонтанъ, обладаю-

щій этимъ чудеснымъ даромъ омывать грѣхи умершихъ. За нѣсколько ринъ или копѣекъ можно получить ковшичекъ на длинной ручкѣ, стоитъ только на этомъ ковшичкѣ протянуть табличку къ бьющей струѣ воды, и грѣхи умершаго окончательно отмыты. И дешево и полезно... У воротъ сидятъ торговцы съ сѣменами: кто не хочетъ много расходовать денегъ, тотъ можетъ купить этихъ сѣмянъ и потомъ въ каждомъ храмѣ сыпать въ кружку по щепоткѣ. Тутъ же продаются и воробы; за нѣсколько копѣекъ вы можете выпустить одного изъ маленькихъ заключенныхъ на свободу, — это тоже въ память умершихъ.

Въ этотъ день много было работы и кладбищенскимъ бонзамъ по всей Японіи; непременно всякая буддѣйская семья, да пожалуй и синтоистская (здѣсь, вѣдь, эти двѣ вѣры на практикѣ вполнѣ смѣшиваются), идетъ на могилы своихъ предковъ, приноситъ имъ риса и приглашаетъ бонзу отслужить поминальную службу.

Вечеромъ я проводилъ о. П. до Кобе. Завтра уходилъ французскій пароходъ, на которомъ онъ и отправился въ свой Китай, а я возвратился въ Кеото, читать по утрамъ съ моимъ учителемъ японскую исторію и время отъ времени ходить по христіанамъ на ихъ симбокукваи и пр.

Скоро пришла и Пасха, которая, какъ вы знаете, въ Японіи проходитъ особенно оживленно и радостно. Мы къ ней готовились усердно. Въ великій четвергъ и субботу были причастники. Читались у насъ двѣнадцать Евангелій и пр. Изъ Тоокео прислали намъ маленькую плащаницу и настоящихъ восковыхъ свѣчъ. Мураками пожертвовалъ блестящіе мѣдные подсвѣчники, сдѣлали трехсвѣчникъ изъ проволоки. Тѣмъ временемъ шли спѣвки, приготовленія. Въ субботу, часамъ къ восьми вечера церковный домъ уже гудѣлъ, какъ улей, собрались всѣ наши, пришли съ ними ихъ знакомые и родственники — язычники (немногіе, впрочемъ, изъ нихъ остались на службу), сошлось нѣсколько человекъ изъ окрестныхъ городовъ и деревень, гдѣ нѣтъ православной церкви. Я исповѣдывалъ одну нашу христіанку, которая не могла исповѣдываться во время поста. Смотрю идетъ другая совсѣмъ незнакомая. Оказывается, бѣдная года три не причащалась. Живетъ она въ Кобе въ языческой семьѣ, нѣтъ тамъ ни церкви, ни катихизатора. Ъхать въ Оосака

причащаться и исповѣдать далеко. Она бывала въ Оосакскомъ храмѣ только на Пасху и думала, что въ этотъ день нельзя исповѣдываться и причащаться. Теперь увидавъ, что я исповѣдую, она и прибѣжала ко мнѣ. Вотъ вамъ примѣръ нашего „рейтана“, т. е. ослабѣвшей христіанки. Конечно, нельзя было не побранить ее за небреженіе святымъ долгомъ исповѣди и причастія, но можно ли назвать ее падшей или отпавшей? Сколькихъ бы тогда изъ насъ пришлось вычеркнуть изъ списка христіанъ!.. Это неожиданное возвращеніе заблудившейся овцы было радостнымъ подаркомъ намъ къ Пасхѣ, всѣ искренно привѣтствовали пришедшую.

Часовъ въ восемь вечера я началъ чтеніе Дѣяній апостольскихъ, за мной стали читать желающіе изъ христіанъ. Чтеніе, впрочемъ, не особенно удалось намъ: приходилъ все новый народъ, нужно было его принимать объяснять, показывать. Въ одиннадцать съ половиною начали полунощницу, съ чтеніемъ канона Великой субботы. За минуту или за двѣ до двѣнадцати всѣ мы зажгли свѣчи и съ пѣніемъ „Воскресеніе Твое, Христе Спасо“, вышли изъ церкви въ сѣни, затворили двери и замерли на мгновеніе, ожидая полночи. Потомъ я сказалъ „Слава Святѣй“ и пропѣлъ „Христось воскресе“ (конечно, по японски). Мои христіане такъ воодушевились, что запѣли потомъ всѣ вмѣстѣ и пѣли всю заутреню и обѣдню. Въ нашей молельнѣ было жарко отъ свѣчей, тѣсно, душно отъ ладану. Но за то радостно и весело, совсѣмъ по праздничному, по пасхальному. Мы условились пѣть по очереди: одинъ тропарь я, другой-христіане. Этимъ достигались сразу двѣ и даже три пѣли: и пѣвцы не уставали, и вниманіе слушателей при переменномъ пѣніи всегда поддерживалось, да и служба шла гораздо скорѣе, нашъ импровизованный хоръ, чѣмъ больше пѣлъ, тѣмъ больше растягивалъ.

Послѣ обѣдни всѣ сошли внизъ разговляться. Ширмы были убраны и изъ всего нижняго этажа образовалась довольно просторная зала. Мы сѣли въ кружокъ на полъ, и послѣ молитвы стали угощаться. Каждый принесъ съ собой чего-нибудь съѣдобнаго или сладкаго. Кто рису съ приправами, кто о-каси, и каждый непременно нѣсколько красныхъ яицъ и хлѣбецъ причудливой формы. Всѣ эти яства спа-

чала лежали на столѣ подѣ большимъ цвѣткомъ, потомъ перешли къ намъ на полъ и стали ходить въ круговую. Веселья было безъ конца. Мой Соокици (слуга) не мало насмѣшилъ меня своей японской недогадливой подражательностью. Нужно было приготовить чай. И вотъ онъ усердно началъ таскать сверху всю мою мебель и разставлять около стола. Это, оказалось, все для чая: видя, что я всегда пью чай на стулѣ за столомъ, онъ вообразилъ, что безъ стульевъ и стола порусски и совсѣмъ нельзя пить чай, на полу ничего не выйдетъ. При этомъ вспоминаю другой подобный анекдотъ изъ японской церковной жизни. При миссиі былъ регентъ Тихай, братъ покойника о. Анатолія и самъ тоже уже умершій. При управленіи хоромъ онъ имѣлъ привычку сильно размахивать обѣими руками, какъ это дѣлаютъ многіе. Случилось однажды преосв. Николаю пріѣхать въ одну церковь, гдѣ побывалъ въ свое время и Тихай и обучилъ христіанъ пѣнію. Пѣли всѣ, м. б., не стройно, но во всякомъ случаѣ пѣли, слушать было можно и молиться было можно. Но только всѣ до одинаго пѣвца усердно размахивали обѣими руками, при чемъ ребята, конечно, находили въ этомъ весьма интересную забаву. „Что это такое вы дѣлаете?“ спросилъ ихъ преосв. Оказалось, они думали, что безъ маханья церковное пѣніе не полагается. Можете поэтому судить, какъ здѣсь нужно осторожно обходиться со всякой мелочью, со всякой частностью въ устройствѣ церкви, въ поведеніи при Богослуженіи. Изъ усердія во всемъ хранить христіанскіе обычаи, японцы могутъ скопировать и совсѣмъ ненужное.

Наша бесѣда продолжалась до самаго утра, — никто и не думалъ спать въ эту ночь. Часовъ въ восемь я съ катихизаторомъ и двумя христіанами отправился гулять, осматривали выставку, дворцовый садъ отца императора, или императора въ отставкѣ и пр. Вечеромъ часовъ въ семь отслужили вечерню, а на слѣдующій день обошли всѣхъ христіанъ съ крестомъ и съ пѣніемъ „Христось воскресе“. Привелъ Богъ провести Пасху радостно. А послѣ Фомина воскресенья вскорѣ окрещенъ былъ и тотъ студентъ Досисия, о которомъ я вамъ писалъ въ прошломъ письмѣ. Оглашеніе и крещеніе совершалъ я самъ. Крещаемого называли Іоанномъ. Помаленьку-помаленьку, а всетаки наша

церковь прирастаетъ. Богъ дастъ и выростетъ со временемъ. Бѣда только вотъ въ томъ, что настоящіе кеотосцы не поддаются на проповѣдь, крестится все пришлый народъ,—безъ настоящихъ кеотосцевъ трудно завести болѣе или менѣе близкія отношенія, знакомство съ кеотосцами: отъ чужихъ они сторонятся.

Лѣтомъ Кеото празднуетъ. Каждая его часть имѣетъ свой особый религіозный праздникъ синтоистическій. Наша часть празднуетъ Гіонъ (15 іюня новаго стиля). Слѣдующая къ югу часть—Инари, т. е. лисьему храму, который находится недалеко отъ Кеото къ югу. Этотъ праздникъ и привелось мнѣ видѣть 6 мая н. ст. Главная принадлежность этихъ праздниковъ торжественныя процессіи съ „микоси“ или „хоко“. Первое ничто иное, какъ небольшая переносная часовенка, позолоченная и разукрашенная рѣзбой, съ круглыми зеркалами по бокамъ—символь бога. Символь этотъ имѣетъ свою исторію. Однажды богиня Ама-тера-сама (солнце), на что-то разсердившись, спряталась въ пещеру. На землѣ, конечно, стало вдругъ темно и невесело. Боги собрались на совѣтъ, какъ тутъ быть, какъ выманить обидѣвшуюся богиню. Вотъ одинъ хитрый богъ выдумалъ показать ей зеркало: увидитъ себя въ зеркалѣ богиня, не вытерпитъ, полюбопытствуетъ и тогда ее поймать. Разсчеты оказались вѣрными: не выдержала богиня, выглянула изъ пещеры, тутъ ее и поймали соломенной веревкой. Съ тѣхъ поръ Ама-тера-сама больше не капризничаетъ и свѣтитъ на землю, а зеркало и соломенная веревка стали принадлежностью синтоистическихъ храмовъ.

На праздникъ Инари приносятся цѣлыхъ пять громаднѣхъ микоси. Всѣ онѣ золоченыя, разукрашенныя, покрытыя красными попонами, а на вершинѣ главной изъ нихъ возвышается металлическій золотой павлинь. Подъ каждую изъ нихъ сдѣланы изъ бревенъ носилки соответствующихъ размѣровъ. Получается тяжесть большая, и несутъ каждую микоси человекъ 50—60. 15 апрѣля н. ст. всѣ эти пять микоси приносятся въ Кеото и стоятъ въ извѣстномъ мѣстѣ до 6 мая, когда совершается ихъ торжественное возвращеніе домой, которое видѣлъ и я.

Въ общемъ нѣчто невообразимое, чудовищное. Сперва долго тянется безконечная процессія разныхъ древнихъ зна-

мень, флаговъ, хоругвей, значковъ и пр., и пр., штукъ до ста, если не болѣе. Идутъ всѣ мѣрно, степенно и до утомительности долго. Носильщики одѣты въ странный костюмъ придворныхъ прежняго времени (въ сущности это древній китайскій костюмъ, перенятый японцами): широчайшіе халаты, широчайшіе рукава и такіе же шаровары. На головахъ кое-какъ липятъ маленькія шапочки, черныя, не то деревянныя, не то кожаныя, держатся только благодаря толстому бѣлому шнуру. За знаменами и флагами верхомъ на конѣ, во всемъ бѣломъ и такомъ же широкомъ, ѣхалъ ассистентъ одного изъ главныхъ каннуси (синтоистическій жрецъ), а за нимъ въ открытомъ ладо на парѣ (о, цивилизація!) и самъ жрецъ въ такомъ же одѣяніи и съ неизмѣннымъ для каннуси вѣромъ (особой формы) въ рукѣ. За нимъ должны бы идти микоси, но ихъ не было еще видно: непомѣрная тяжесть ихъ не позволяла спѣшить. Но вотъ вдали въ улицѣ показалось красное пятно и слегка подпрыгивая медленно стало приближаться къ намъ. Вскорѣ послышались беспорядочные крики, гвалтъ, звонъ бубенцовъ. У каждой микоси привѣшено нѣсколько огромныхъ, величиной съ человѣческую голову бубенцовъ. Боже мой, что тутъ было. У каждой микоси было смѣны три носильщиковъ, кромѣ того просто провожатые, главнымъ образомъ мальчишки, такъ что около каждой микоси наберется человѣкъ до двухъ сотъ. Всѣ они одѣты въ короткое бѣлое платье съ голыми ногами (увы, и здѣсь древній обычай, позволявшій для торжества довольствоваться одной только перевязью, нарушенъ), всѣ повязаны бѣлыми платками съ синими гербами Инари, всѣ они пьяны въ дребезги, всѣ выкрикиваютъ какое-то короткое присловіе, всѣ пляшутъ и бѣснуются, какъ только кто захочетъ. Надъ всѣмъ этимъ хаосомъ колыхается, подпрыгиваетъ (носильщики тоже—подплясываютъ, хотя и съ искаженными лицами) странная микоси. Въ болѣе значительныхъ мѣстахъ носильщики останавливаются и съ дикими криками поднимаютъ микоси къ верху, при чемъ по близости всегда оказывается какое-нибудь теплое мѣстечко съ угощеніемъ, съ sake и пр. Въ общемъ получается что-то невозможное, почти демоническое. И нужно еще отдать справедливость выдержанности и манерности японцевъ, будь на ихъ мѣстѣ другіе, тогда бы

многихъ картонныхъ домиковъ по дорогѣ не досчитались послѣ этой процессіи: микоси съ ея носилками изъ бревенъ могла бы служить прекраснымъ тараномъ. — Микоси слѣдовали одна за другой чрезъ большіе промежутки, всѣхъ ихъ было пять. Затѣмъ опять знамена и флаги, хотя и не такъ много, какъ вначалѣ, нѣсколько коней въ причудливомъ древнемъ военномъ уборѣ, конюхи, ведшіе ихъ, тоже напоминаютъ старину. Нѣсколько паръ прислужниковъ мѣ съ регалиями и знаками храма и главнаго жреца: какой-то шаръ, пѣчто въ родѣ скипетра и пр. Далѣе опять цивилизація: карета и въ ней самъ главный жрецъ въ бѣлоснѣжномъ широчайшемъ одѣяніи съ вѣромъ въ рукахъ. За нимъ двое слугъ съ зонтомъ на длинной рукояткѣ и съ онахаломъ. Въ заключеніе всего верхомъ на конѣ въ бѣломъ одѣяніи съ шапочкой на головѣ ассистентъ жреца. — Мы долго стояли, пока проходила эта процессія, а потомъ обошли улицы, гдѣ праздновалось Инари. Вездѣ убранство, вездѣ расписанные фонари и флаги. Изъ лавокъ товаръ былъ вынесенъ и на мѣсто его поставлены великолѣпнѣйшія ширмы, какіе-нибудь рѣдкіе приборы, мебель, развѣшаны драгоценныя какомоно, хранившіяся можетъ быть изъ рода въ родъ. Каждый старается блеснуть предъ своими сосѣдями. Въ каждомъ домѣ принимаютъ гостей, пьютъ sake, ѣдятъ тай (рыба), большихъ раковъ. Sake пьется какъ и у насъ, съ разными обрядами. вмѣсто нашего чеканья, японцы мѣняются рюмками, сполоснувши ихъ, конечно. Послѣ же пира каждый гость, сполоснувши свою рюмку, протягиваетъ ее хозяину, и этотъ послѣдній, *horribile dictu*, долженъ все это выпить. Какъ видите, положеніе хозяина неособенно безопасно.

На другихъ праздникахъ носятъ, какъ я сказалъ, „хоко“, т. е. копье. Это громаднѣйшій шестъ, на концѣ котораго укрѣпленъ клинокъ съ аршинъ длиной, широкій, но весьма тонкій, такъ что онъ гнется при колебаніи. Шестъ раскрашенъ и разукрашенъ всячески, но главное его украшеніе длинная хоругвь, приспущенная почти до земли. Дѣлается она изъ великолѣпнѣйшей матеріи, расшивается богатымъ шитьемъ, и вообще представляетъ изъ себя большую рѣдкость для всякаго. Каждый околотокъ или кварталъ въ данной части города старается имѣть на праздникъ свое хоко,

самъ его устраиваетъ, украшаетъ, не щадя расходовъ. Нести его выбирается какой-нибудь силачъ: на каждомъ шагу нужно хоко встряхивать, чтобы звенѣли его бубенцы и чтобы сверкалъ на солнцѣ его изгибающійся клинокъ. Сами же строители хоко или ихъ молодежь, разрядившись въ пухъ и прахъ, поддерживаютъ свою драгоцѣнную хоругвь. При этой процессіи нѣтъ такого бѣснованія, какъ при Инари, все чинно, изящно, порядокъ, тишина. Микоси переносится, вѣдь, крестьянами окрестныхъ деревень, здѣсь же участвуютъ кровные кеотосцы.

Интересная процессія совершалась также третьяго мая (15 н. ст.) изъ императорскаго дворца въ одно изъ самыхъ почитаемыхъ мѣя находящееся подлѣ Кеото къ сѣверу. Въ старые годы императоръ посылалъ туда своего чрезвычайнаго посланца или даже ѣздилъ самъ съ дарами и на поклоненіе. Его, конечно, сопровождала огромная свита въ ея придворныхъ нарядахъ, съ знаками отличія, присвоенными каждому рангу. Теперь императора здѣсь нѣтъ, но процессія воспроизводится съ возможною точностію до сихъ поръ, везется даже и колесница, въ которой императоръ предполагается. Идутъ воины въ ихъ доспѣхахъ, ѣдутъ вожди, несутъ знамена. И все это съ пунктуальной вѣрностію древнему церемоніалу. Анахронизмомъ только являются европейскіе костюмы жандармскихъ офицеровъ, сопровождающихъ процессію. Не будь ихъ можно бы совсѣмъ перенестись воображеніемъ въ древнюю Японію. — Вообще въ эту пору много интереснаго въ нашей японской Москвѣ.

З а к л ю ч е н і е .

Это письмо было послѣднимъ изъ Японіи: незадолго до него полученъ былъ, конечно, не неожиданно, указъ о моемъ переводѣ въ Россію, и я долженъ былъ собираться. Грустно было разставаться съ кеотосскими христіанами, мы успѣли привыкнуть другъ къ другу и полюбить. Опечалены были они и судьбой своей церкви: вотъ-де теперь она опять станетъ маленькой, ничтожной среди другихъ церквей, едва замѣтной горсточкой людей съ простымъ катихизаторомъ во главѣ. Впрочемъ, опасеніе это едва ли было основательно тогда, а послѣдствіи и совсѣмъ не оправда-

лось: теперь въ Кеото подвизается о. Симеонъ Міи, кандидатъ Кіевской Академіи, первый изъ японцевъ—академиковъ принявшій духовный санъ. Это для Кеотосской, церкви конечно, въ нѣсколько разъ лучше моего пребыванія.—Церковь эта и теперь все еще немногочисленна, но каждый годъ растетъ, теперь говорятъ, крестились нѣкоторые и изъ настоящихъ кеотосцевъ. Богъ дастъ со временемъ ихъ будетъ и больше, и тогда (да и теперь, сомнѣнія нѣтъ) дѣло православія въ Кеото будетъ вполне обезпечено.

Вскорѣ послѣ моего отъѣзда стали прибывать изъ Россіи другіе японцы—академики, теперь ихъ человекъ восемь или девять. Ими заняты мѣста въ Семинаріи, въ другихъ школахъ, издаются журналы, переводятся съ русскаго книги. Вообще работа идетъ своимъ порядкомъ, ни мало не задерживаясь отсутствіемъ русскихъ работниковъ. Преосвященный Николай слумѣлъ воспитать дѣятелей для японской нивы и теперь имѣетъ радость видѣть и благія послѣдствія своихъ трудовъ. Одного только нѣтъ въ Японіи: нѣтъ въ ней монастыри и нѣтъ среди японцевъ монаховъ, какъ было въ первыя самыя времена христіанства у насъ въ Россіи. Монастырь послужилъ бы незыблемой точкой опоры для всего будущаго, въ немъ бы воспитались первые японскіе архипастыри, находили бы себѣ нравственный покой и поддержку и всѣ утомившіеся труженики на нивѣ Господней. Монастырь этотъ всегда былъ любимой мечтой и преосв. Николая, но мечта эта, какъ она ни сладка, ни завлекательна, до сихъ поръ остается мечтой. Нѣтъ средствъ нѣтъ подходящихъ людей, не идутъ туда эти подходящіе люди. А мѣсто готово: дача въ Тонусана. Лучшаго мѣста по его удивительной живописности, по его отдаленности отъ міра, по тишинѣ и не найти.

Въ послѣдніе дни японской Церкви приходится переживать много безпокойства. Вмѣшательство Россіи въ китайско-японскую войну сильно озлобило самолюбивыхъ японцевъ, ненависть ихъ, конечно, распространилась и на все русское. И вотъ христіанамъ пришлось переносить разные выходки этого уязвленнаго самолюбія. Называли ихъ измѣнниками и пр. Это сильно смущало христіанъ. Потомъ, конечно, и проповѣдь не могла идти такъ свободно и съ такимъ успѣхомъ, какъ прежде. Но все это—мимолетныя тучки,

онѣ пройдутъ, не оставивъ на небосклонѣ слѣда. Дѣло Божіе не пропадетъ въ Японіи, вопреки всѣмъ надеждамъ и ожиданіямъ несочувствующихъ ему здѣсь и тамъ. Будетъ время, когда тамъ не будетъ, можетъ быть, и ни одного русскаго, когда прекратится приливъ пожертвованій изъ Россіи, это нанесетъ, конечно, глубокую рану церковному дѣлу, но рана эта опять таки будетъ только временная, потому что японская миссія имѣетъ въ себѣ залогъ жизни, несомнѣнный залогъ и именно въ томъ, что она живетъ уже своею жизнью и теперь. У ней есть и священники, и проповѣдники и пр., и все это свое, воспитанное здѣсь, воспитанное учителями японцами, въ японскомъ духѣ. У японской церкви есть и то святое сѣмя, которымъ стоитъ міръ: это тѣ ея истинные члены, которые разбросаны по всѣмъ ея многочисленнымъ общинамъ, ея разныя Анны Симано, Пантелеймоны Сихахара и многіе-многіе другіе, которые хорошенько и не слыхали про Россію и русскіхъ миссіонеровъ, исключая своего „сикео Николай“, и которые тѣмъ не менѣе увѣровали во Христа и вѣрують въ Него, и будутъ вѣровать, зажигая и другихъ своей вѣрой. Конечно, трудно ожидать, чтобы Японія когда-нибудь во всемъ своемъ цѣломъ пришла ко Христу, подобно, тому, напр., какъ пришла наша Русь при св. Владимірѣ. Ужъ слишкомъ привыкли японцы относиться безразлично къ дѣлу вѣры и слишкомъ много этого безразличія насмотрѣлись они у европейцевъ, чтобы когда-нибудь серьезно поднять объ этомъ вопросъ. Впрочемъ, кто знаетъ, что будетъ впереди? Съ развитіемъ придетъ же правительство къ мысли о нелѣпости своей государственной религіи, а пришедши едва-ли оно можетъ долго удержать ее у себя. Теперешнее поколѣніе, конечно, еще слишкомъ привыкло къ ней. Но подождемъ, какъ будетъ смотрѣть на нее поколѣніе послѣдующихъ сорока-пятидесяти лѣтъ. Но пусть и не будетъ этого Establishment (да, право, и желательна ли оно особенно?), православіе все-таки будетъ идти своимъ путемъ, тихо, медленно, но постоянно и твердо. И дай Богъ этого Японіи...

Архимандритъ Сергій.
